

Неделя о блудном сыне

Прошедшая Неделя о мытаре и фарисеее показывает фундаментальное противоположение греха и святости, которое состоит в противоположении фарисейской гордости и мытарева смирения. Сегодняшняя беседа будет посвящена Неделе о блудном сыне и некоторым связанным с этой темой мотивам, которые будут звучать до начала Великого поста. Я имею в виду, в первую очередь, псалом «На реках Вавилонских» (Пс. 137), который имеет тесную связь с повествованием о блудном сыне.

Тема блудного сына определяет вторую фундаментальную конституэнту греха, которую можно и правильно назвать блудом. Слово «блуд» в церковно-экзегетическом контексте имеет два значения. Первое значение, в котором мы обычно это слово употребляем, означает незаконное соединение тел, и в этом отношении данное слово не всегда буквально применимо к кающемуся человеку. Есть более широкое значение слова «блуд», которое этимологически связано с понятием «заблуждаться», «заблудиться», и означает всякий отход человека от путей Божиих. И если мы внимательно будем читать Священное Писание, от Книги Бытия до Откровения Иоанна Богослова, если мы будем читать святых отцов, то обнаружим, что эти понятия – чистота и целомудрие с одной стороны и блуд с другой – всегда используются как символы отношения человека или народа к Богу. Человек (или народ) то сохраняет свою верность Богу, то уходит с Божественных путей, и тогда Господь через пророков (включая пророчества, содержащиеся в Апокалипсисе Иоанна Богослова) именно в категориях супружеской измены, в категориях блуда обличает этот отход. Поэтому и данная тема, и собственно притча о блудном сыне затрагивает каждого из нас.

Мы только тогда сможем сказать себе, что в какой-то степени приникли к Преданию Церкви, когда его мотивы будут одновременно звучать и в Священном Писании, и в нашем сердце, и в богослужении, и в мировой истории, и абсолютно на всех уровнях, примерно так же, как один и тот же текст или образ может звучать на разных языках, в разных переводах, изображениях, преломлениях и восприятиях, но у него будет одно и то же содержание.

Обратимся теперь к притче о блудном сыне. У некоторого человека было два сына, и младший сын сказал отцу: «Отче, дай мне следующую мне часть имения» (Лк. 15, 12). Как это понимать, если называть вещи своими именами? При нормальном порядке дел отец перед своей смертью пишет завещание, в котором делит свое имущество между наследниками, в данном случае между двумя братьями. Значит, если это желание младшего сына выразить совершенно откровенно, то получится следующее: «Отец, я вообще не могу уже терпеть, когда ты наконец умрешь? Договоримся так: ты как бы для меня уже умер, а если ты для меня умер, дай мне то, что бы мне следовало, если бы ты умер на самом деле». [1]

И отец разделил им имение. В притче, разумеется, под отцом понимается Бог, и тема «как если бы ты уже умер» вообще является фундаментальной для греха, начиная с диавола. Буквальный перевод приставки «диа» означает «разделение», и диаволу [2] изначально присуще желание обходиться без Бога, как если бы Его не было.

По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно (Лк. 15, 13). Дальше Евангелие говорит о том, что *настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней* (Лк. 15, 14—15). Это рассказ не о ком-то другом, а о нас. Мы можем не покидать своей комнаты, но когда наш внутренний человек приходит на распутье, когда мы или предаемся собственным фантазиям, отрываясь от реальности, или попадаем в виртуальный мир, без разбора смотря телевизор, проводя много времени в Интернете, то, телом никуда не перемещаясь, мы уходим действительно «на страну далече». Это выражается и в наших житейских оценках, только обычно мы их применяем не к самим себе, а к кому-то другому. «Где ты сейчас находишься?» – задаем мы вопрос человеку, который нас не слышит, и видно, что его мысли где-то витают. Это реальный пример такой жизни «на стране далече», т. е. не в отеческом доме – реальном мире, который создал Бог. Недаром Господь использует образ свиней, которые в Ветхом Завете и в современной Ему Иудее считались нечистыми животными (мы эту тему свиней знаем из другого евангельского эпизода, в котором Христос изгонял бесов из несчастных бесноватых людей: *И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8, 31)). Свиньи здесь означают страсти. Пребывая в их плену, даже только внутренне – внешне ничего незаконного мы, может, и не делаем – мы питаемся пищей страстей, этими свиными рожцами, которые вообще-то не являются нормальной

пищей для людей. Но, уподобляясь этому нечистому животному, человек считает такую пищу нормальной и постоянно испытывает ее недостаток.

Читаем о блудном сыне далее: *Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода* (Лк. 15, 17). Нам очень важно обратить внимание, что покаяние или обращение начинается с того, что человек приходит в себя. Пребывать в себе, что свт. Феофан Затворник называет «внутрипребыванием», – это одно из начальных условий для какой бы то ни было духовной жизни, потому что человек рассеянный, человек, находящийся «вне», находится, в терминологии этой притчи, «на стране далече». И это «вне» необязательно географическое, т. е. не только когда мы телевизор смотрим, или в окно на улицу, или мух считаем на потолке, но и когда нам кажется, что мы сосредоточились на себе, а на самом деле позволяем всевозможным полудремам-полуреальным мечтаниям завладеть собой. По другому образу, который принадлежит преп. Иоанну Лествичнику, великому аскетическому писателю (ему посвящен в Великий пост отдельный воскресный день), такой человек подобен бывшему хозяину дома, на которого напали разбойники, его самого связали, а в доме делают, что хотят. Это состояние человека, который находится «вне».

Довольно ярко подобное состояние показано в известном фильме «Матрица». Человек, которому кажется, что *он* ест, в действительности *сам является* пищей падшим духам. Падшие духи после грехопадения не имеют своего собственного бытия, и они рады грехопадению человека вообще и каждому проявлению этого грехопадения в частности, потому что оно является входом в дом человека, где они могут питать и восполнять свою отсутствующую природу.

И решил он так: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15, 18—19). И он встал, пошел к отцу своему, а отец загодя узнал, что возвращается его сын, вышел ему навстречу. Блудный сын успел произнести лишь часть заготовленной речи: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим», – но заключительные слова «прими меня в число наемников твоих» отец не дал ему произнести. И это обстоятельство имеет фундаментальное значение, потому что Бог готов любить нас, терпеть нас, прощать нам, милосердовать о нас до бесконечности. Но Он не согласен только на одно, а именно, чтобы мы с Ним вступали в какие-либо иные отношения, кроме добровольно сыновних. Человек – только сын. Это может быть

ушедший сын, это может быть согрешивший сын, это может быть пропавший сын, это может быть умерший сын, но это только сын и никогда – раб или наемник. И подтвердил это отношение отец тем, что *дал на руку его перстень*, что означает царственное достоинство сына царева.

Этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк. 15, 24). Обратим внимание на последовательность, в которой употребляются эти сочетания. Она выглядит немного непонятной, потому что по первому ощущению смерть кажется большей катастрофой, чем пропажа. Но в плане общения с Богом это не так.

Я знаю из своего опыта и из опыта многих родителей: бывает так, что дети пропадают в самом буквальном смысле – или задерживаются на час, или задерживаются на день; или, как у известного мне человека, задерживаются на месяц, и тогда мука от неизвестности такова, что мать, которая переживала это, говорила: «Вот если бы я знала, что мой сын мертв, я бы его уже оплакала, а эта неизвестность – ее я перенести не могу». И это относится не только к области наших естественных эмоций, но и к области взаимоотношений между человеком и Богом. Потому что смерть – это смерть, а пропажа – это неизвестность, которая порой мучает больше, чем боль от естественной утраты. Поэтому отец сначала говорит, а потом еще раз повторяет, что *этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся*

Дальше следует тема старшего сына, которая вам хорошо известна. Это сын, который не уходил. И этот сын себя ведет диаметрально противоположно Сыну Божию Господу Иисусу Христу, если мы перейдем от притчи к ее реальному прообразу. У них есть сходство, потому что Господь Иисус Христос – Богочеловек, он никогда не разрывал с Богом, ибо Он Сам есть Бог Сын, всегда послушный Богу Отцу. Но отношение Господа Иисуса Христа ко всем Своим братьям по человечеству противоположно отношению старшего сына из притчи, потому что это отношение принятия прощения братьям, и более, чем принятия, – *жертвы* за дарование прощения.

Мы в своей жизни выступаем порой и в роли младшего сына (по причинам, о которых я уже рассказывал), и в роли отца (который страдает от того, что не знает, где находится его дитя), и в роли старшего сына. В этой роли мы выступаем по самым разным поводам, в том числе в контексте нашей повседневной церковно-общинной жизни. И контекст этот (то, что я говорю, необязательно относится к каждому из вас, но это распространенная церковно-психологическая реакция) таков: есть церковная

община, есть ее члены, которые с самого начала в ней состоят; община существует через общее богослужение, через общее Причастие; возглавляется эта община пастырем, священником. Если в эту общину приходит человек, не такой, как мы, приходит с улицы, чем-то странный, пришедший из мира греха, то он одним своим видом и поведением нарушает уже принятые частично гласные, частично негласные правила. И вдруг священник все свое внимание обращает на этого вновь пришедшего (конечно, правильно делает, потому что поступает по образу Божию и по образу Сына Божия Иисуса Христа). В сердцах многих возникает ревность, зависть и осуждение. Я, например, помню эпизод, который имел место в 70-е годы, когда открытых церквей было мало, когда люди в церковь ходить боялись, когда ходили только постоянные прихожане. Дело было на всенощной под обычный воскресный день. Народу было очень немного, так сказать, все свои, и мой духовный отец совершал елеопомазание. В это время в церковь зашли две девицы, совершенно из другого мира: накрашенные, нескромно одетые и т. д., и т. п. Всех, кто там присутствовал, охватили ужас, смятение и трепет. А батюшка, когда их увидел, обратился к ним: «Здравствуйте, хорошие мои! Вот и вы пришли!» – и всевозможным образом их приветил. Дай нам Бог всем так поступать, причем от самой глубины своего существа, потому что мы – люди «многоэтажные», сложные, мы можем заставить себя так поступить, и это лучше, чем если бы мы поступали противоположно; но искреннее хрис-топодобное отношение к людям, подобным младшему сыну, приобретается некоторым подвигом и некоторым духовным опытом.

Одновременно и неслучайно в церкви, начиная со всенощной Недели о блудном сыне и на всех воскресных всенощных до начала Великого поста, поется псалом 136 «На реках Вавилонских». Внешнее содержание этого псалма, его историческая канва посвящена Вавилонскому плену, трагической странице в жизни еврейского народа. Приведу его в русском синодальном переводе.

При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе (Пс. 136, 1). Вавилон, напоминая вам, появляется в Священном Писании начиная со строительства Вавилонской башни. Этимология этого слова многозначна. С одной стороны, «Вавилон» означает «смешение», потому что там было осуществлено смешение языков, с другой – аккадское слово «Вавилон» буквально переводится как «врата Бога», а также как «запутанный узор», «случайное, постороннее». Таким образом, мы имеем все основания считать и по этимологии, и по самому, как вы сейчас увидите, содержанию этого псалма, что Вавилон – земля чужая.

Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских» (Пс. 136, 3). Внешнее содержание этих слов совершенно понятно, а по внутреннему значению... Я вас постоянно призываю понимать все то, что мы читали в Писании, в том числе исторические повествования, как своего рода рассказ о том, что происходит в душе человека. А внутреннее понимание таково: песни сионские – это молитва, земля – это сердце. Каждый из нас по своему опыту знает, как в зависимости от того, находится ли сердце в самом себе (а в самом себе – это значит нахождение в Боге) или в пленении страстями, так и молитва: течет сама собой или, и это бывает гораздо чаще, дается с великим принуждением.

Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя (Пс. 136, 5). То есть в духовном отношении это все та же память отчего дома, которая должна у нас присутствовать, даже если мы находимся далеко от него.

Когда я имел милость Божию в 97-м году быть в святом городе Иерусалиме, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Действительно, этот город называют «пятым Евангелием», потому что создается впечатление, что мы присутствуем глубиной сердца при событиях, которые там происходили. В момент пребывания там слова *Если забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя* были для меня (и вряд ли только для меня) настолько очевидными. Более того, было настолько очевидно, что эту заповедь – помнить об Иерусалиме, даже если иметь в виду именно земной Иерусалим, – так легко исполнить, потому что это ощущение невозможно забыть! Но, увы, как и все люди, которые довольно быстро оказываются на земле чужой, я никак не могу сказать, что даже по прошествии сравнительно небольшого времени удастся эту заповедь вспомнить...

Если совершается иудейская свадьба по иудейскому религиозному обряду, то в эту церемонию (так было изначально и сейчас продолжается) входит такой обряд: жених бросает об пол бокал и при этом произносит слова, не связанные с любовью к будущей супруге или еще с чем-то подобным, а произносит именно: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука». Таким образом, святость брачных отношений и семейного дома связывается с любовью к Иерусалиму.

Последние слова этого псалма, которые при внешнем прочтении многих вводят в смущение, я по-славянски прочту, потому что это привычнее слышать: *Дщи Вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам. Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 8–9). Конечно,

разбивать о камни детей даже самых жестоких людей – значит на зло отвечать вопиющим злодейством.

В отличие от людей ветхозаветной психологии, для которых в течение многих столетий до пришествия Господа Иисуса Христа было нормально воспринимать эти слова буквально, мы их понимаем духовно, в соответствии с тем, как нам рекомендуют святые отцы. В святоотеческом понимании «младенцы» – это помыслы, «отвлечения», которые в мгновение ока переносят нас на бесконечное расстояние от Бога в чужую землю. Эти помыслы, как об этом говорит весь святоотеческий опыт, а также и наш небольшой собственный, лучше поражать в начале, то есть в младенческом состоянии, чем дожидаться, пока через собеседование с нами, через наше соучастие они разрастутся до того, что нами овладеют и превратятся в страсть.

Третий текст из Писания, сопряженный с темой блудного сына, это апостольское послание. *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. Пища для чрева, и чрево для пищи и т. д. Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть»* (1 Кор. 13—16). Непосредственно эти слова апостола Павла относятся к блуду, понимаемому буквально, но, конечно, эти слова имеют и духовное значение. Потом эта тема – «блудница» – достигает своей полноты, своего апофеоза в Апокалипсисе Иоанна Богослова в образе Вавилонской блудницы, которая, по толкованию самого же пророка и евангелиста Иоанна Богослова, сидит на водах многих. Воды означают народы, блудница – греховные начала мира сего. Всякий раз, когда мы входим в общение с миром, плотью и дьяволом, мы делаем противоположное тому, что нам заповедовал наставник духовной жизни XIX века свт. Игнатий Брянчанинов. Он говорил, что целью человеческого покаяния является расторгнуть общение со всеми падшими духами. Еще раз, точно так же, как в фильме «Матрица» или в недавно вышедшем романе Виктора Пелевина «Empire V», при той иллюзии, что *мы* питаемся этими свинными рожцами, на самом деле эта греховная стихия мира сего *на нас паразитирует*, и мы являемся для нее инструментами.

Покаяние является нашей заботой в дни Великого поста, и поэтому мы должны снова и снова обращаться к притче о блудном сыне, к другим текстам Священного Писания

на эту тему, потому что они актуальны для жизни души каждого человека. Но также они актуальны и для церковной жизни, потому что православие – это то, что идет к Богу, а не заблуждается. Отход от путей Божиих в истории человечества становится все более явным. Недаром мы наше время называем апостасийным (от греческого слова *αποστασία* – отступничество), а люди, находящиеся вне Церкви, – постхристианским. Это последнее по существу состояние блудного сына (до его покаяния). Заметим, что в проекте Европейской конституции даже нет упоминания о христианских корнях европейского содружества. Много есть и других проявлений, они все у нас перед глазами. А гораздо существенней то, что у нас не так, как у первых христиан, когда зло было вовне, а внутри у христиан была святость. Наша борьба с грехом осуществляется не только на какой-то внешней территории, она осуществляется внутри наших сердец. Достоевский говорил: «Дьявол с Богом борется, и поле битвы – сердца людей». Поэтому история о блудном сыне имеет в нашей жизни много проявлений.

И возникает вопрос: а кто в результате стал лучше – возвратившийся блудный сын или оставшийся старший сын, даже если бы он не был таким завистливым? Это очень трудный вопрос и, вероятно, на него нет общего ответа. Для того чтобы пояснить свою мысль, я хочу напомнить эпизод жития одной из любимых учениц преп. Серафима Саровского, которую не так давно причислили сначала к лику местночтимых, а теперь и всероссийских святых. Это Марфа Дивеевская, скончавшаяся в очень раннем возрасте, которую перед ее кончиной отец Серафим постриг в великую схиму и потом называл «начальницей над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном». Однажды сестра Марфы спросила ее о каком-то саровском монахе. Она и говорит: «А как выглядят монахи-то, на батюшку, что ли, похожи?» Сестра удивилась и спрашивает: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видела, что спрашиваешь?» – «Нет, ведь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафим мне приказал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу». Она являет собой пример человека, который достиг высших степеней святости и при этом остался совершенно неискушенным, даже во взгляде, не причастным зла. И упомянутый мной сегодня преп. Иоанн Лествичник тоже говорит: «Многие из не вкусивших сласти греха, поелику не знают зла сего, бывают свободны и от борьбы». И в первых главах Апокалипсиса Иоанна Богослова Господь через Ангела Своего обращается к настоятелю Церкви и говорит о людях, *которые не знают так называемых глубин сатанинских* (Откр. 2, 24). Но это, конечно, далеко не ко всем относится. И мы

можем привести противоположный пример великой святой, преп. Марии Египетской, память которой мы будем совершать на пятой неделе Великого поста, а на первой седмице будем читать Великий канон Андрея Критского, в котором она тоже упоминается. Она все пути блуда прошла и достигла великих степеней святости через покаяние.

прот. Александр Геронимус. Беседы на Великий Пост.